

Среда, 17 - го Іюля 1919 г.

Годъ изданія 56-й.

Среда, 17 - го Іюля 1919 г.

№ 1312

ПЕТРОГРАДСКІЙ ГОЛОСЪ

№ 1312

ТЕЛЕФОНЫ:

Ректоръ 641—69
Секретаря 116—70
Ночная редакція 400—24

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТЪ.

Цѣна отдѣльнаго номера 40 к. Въ шкафахъ вокзаловъ 45 к.

КОНТОРА: ЕКАТЕРИНІНСКІЙ НАН., 31.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

РЕДАКЦІЯ: ЕКАТЕРИНІНСКІЙ НАН., 31.

ТЕЛЕФОНЫ:

Издателя 189—91
Конторы 5—96—50
Кабинетъ завѣд. конт. 403—45

Мысли о Чехове

(Къ 14-й годовщинѣ).

Только что минуло четырнадцать лѣтъ со смерти Антона Павловича Чехова.

Много могила съ тѣхъ поръ вросло въ землю, хотя лежать въ ней люди, при жизни громкіе и знаменитые не меньше, а можетъ быть, даже гораздо больше Чехова. Но его могила все растетъ да растетъ выше. Великій, незабвенный курганъ великаго русскаго человѣка, къ которому, воистину, не зарастетъ народная тропа!

И съ каждою новою годовщиною святая могила эта приобретаетъ для русскихъ людей все новое и новое значеніе. Потому что все углубляется вѣщее значеніе самого Чехова, все въ новомъ и новомъ свѣтѣ открывается намъ его бездонно глубокий, въ любвиобиліи своемъ, прозорливый умъ.

Мы любили Чехова. Мы уважали Чехова. Мы преклонялись предъ гениемъ Чехова, какъ несравненнаго психолога-атомиста и великаго поэта сѣренной русской действительности. У Чехова были и есть энтузіасты, которые ставятъ его на самыя высокія вершины русской литературы. Да, и въ самомъ дѣлѣ, кто же, послѣ Пушкина, умѣлъ сказать русскому человѣку такъ просто, ясно и хорошо столько глубокой, не прикрашенной ни въ бѣлый, ни въ черныя цвѣты, редкой правды?

Чехова нѣтъ подобно зачислить въ сонмъ промадныхъ учителей русскаго общества, какъ Гоголь, Достоевскій, Левъ Толстой. Онъ не былъ проповѣдникомъ, не претендовалъ на учительство. Но съ дерзновѣніемъ скажу: какъ товарищъ русскаго общества, онъ больше даже этихъ промадовъ.

Державинъ когда-то хвалился, что «истину царямъ съ улыбкой говорилъ». Чеховъ съ царями не имѣлъ никогда никакихъ общеній. Онъ умѣлъ прожить вѣкъ свой въ деспотическомъ государствѣ — независимымъ и отмежеваннымъ отъ политики и цѣнныхъ когтей власти, будто обиталъ не въ монархической Россіи, а въ какой-то либеральнѣйшей республикѣ мысли. Но онъ могъ бы похвалиться кое-чѣмъ посерьезнѣе, чѣмъ державинская истина, съ приправою улыбки, высказанная царямъ. Потому что Чеховъ свою истину, и съ улыбкою, и безъ улыбки, говорилъ силѣ, морально болѣе грозной, чѣмъ всѣ цари въ мірѣ: обществу самодовольному и самозабвенному, погруженному въ мѣшанинствѣ — на самое дно.

И говорилъ не съ амвона, не съ трибуны, не съ касеры, что покоряетъ и подчиняетъ толпу, не промовымъ голосомъ полупророка, полуксмандира, не облекаясь ни въ мантию отшельника, ни въ колпакъ юрода, ни въ плащъ ритора-романтика, но — стоя съ обществомъ вровень, голова въ голову, глядя ему прямо въ глаза, одѣтый въ обывательскій пиджакъ со штанами въ клеточку, спокойнымъ, пріятельскимъ баскомъ, старательно сдерживающимъ прорывающіяся трагическія поты...

Все это о Чеховѣ мы прекрасно и давно знали и за это любили и любимъ его. Но, все же, признаніе Чехова и любовь къ нему не шли дагѣ провозглашенія его великимъ художникомъ русскаго слова, гордостью и счастьемъ литературы.

Надо было пережить ужасный періодъ несчастной русской войны и тяжело больной, съ позволенія сказать, холерной нашей революціи, чтобы сдѣлалось яснымъ для всѣхъ сверх-литературное значеніе Чехова, доселѣ вялое лишь для немногихъ.

Чтобы сдѣлалось яснымъ, что Чеховъ былъ пророкъ.

Не изъ тѣхъ пророковъ-тайнописцевъ, что творятъ анекдоты, поразившіе потомковъ молниеннымъ озареніемъ предчувствуемаго. Не Исаія, не Іезекииль, не Іоаннъ, не авторъ «Преступленія и наказанія», «Бѣсовъ» и «Братьевъ Карамазовыхъ», съ ихъ, почти чудовищнымъ, вторымъ зрѣніемъ, создающимъ страсти, слышимъ для близкаго и настоящаго, но подвигъ почти безусловно точнаго основанія для дальняго и будущаго.

Чеховъ былъ весь отъ современности — и пророческая роль его сложилась изъ глубокаго проникновенія въ свою современность. Изъ той его творческой зеркальности, въ которой русскій человѣкъ опознаетъ такъ жалко и печально, что... Антонъ Павловичъ, — мягкій, культурный, вѣжливый, сострадателный интеллигентъ, — не щадя себя съ жестокости послать оригиналу отраженія даже того злобнаго попрека, который бросилъ некогда его великій предшественникъ и первоучитель, Гоголь:

— На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

На подробномъ памятникѣ Гоголя вырѣзанъ горькій стихъ пророка Іереміи. Это хорошо, потому что Гоголь былъ отъ Іереміи: оба — зеркальные пророки своей современности. Чеховъ былъ тоже отъ Іереміи. Но отъ Іереміи, утратившаго ярость гражданскаго гнѣва и религіознаго пыла, смѣлишаго буйство темперамента на глубокую научную вдумчивость ученнаго анализатора, на печальную мысль философа, переживающаго, въ зрѣлщѣ эпохи, «великую грусть»...

Некогда, въ пору еще невѣдѣнія, кто такой Чеховъ, умная и чуткая Зинаида Гиппиусъ, — смутно слыша его силу, но еще не рѣшаясь признать ея величія, а, напротивъ, стараясь ее умалить, — написала однажды замѣчательное слово, что — если принимать Чехова серьезно, то это будетъ очень опасно для общества, ибо, въ такомъ случаѣ, онъ писатель «страшный»...

И это, — можетъ быть, печальное, по интуиціи поэтическаго вдохновенія обретенное, — слово есть истинный судъ надъ Чеховымъ, оправданный пятнадцать годами его посмертной жизни.

Чеховъ оказался въ нихъ именно страшнымъ. Какъ страшны всѣ пророки. А изъ нихъ всего страшнѣе какъ разъ тѣ, которые пророчествуютъ, не воображая ни быть, ни слыть пророками.

Въ тяжкія, торжкія, злыя минуты разочарованія въ революціи, въ народѣ, въ Россіи, беретъ нашъ братъ въ руки томикъ Чехова и, почитавъ часъ-другой, роняетъ ленигу почти съ укасомъ... Потому что изъ-за строкъ ея глядѣть внимательными глазами знакомое умное лицо съ грустною полуулыбкою, — и знакомый дружескій басокъ задаетъ серьезный вопросъ:

— А зачѣмъ же ты очаровывался?.. Вѣдь я же показываю тебѣ поколѣніе отцовъ, которые осуждены на гибель своимъ ничтожествомъ, и дѣтей, которыя осуждены на гибель потому, что они дѣли своихъ отцовъ... Охота же была тебѣ вѣрить ихъ краснымъ словамъ, а не строгой правдѣ моихъ фактовъ!

О, сколько было негодованія на Чехова за твердую спокойную правду его! Что было за «Мушкетеры», за «Оврагъ»!.. А сейчасъ, въ страшные дни деревни, они читаются, какъ откровеніе, — именно предостерегающее пророчество Кассандры, непонятой въ свое время!

Объ интеллигенціи чеховской — что ужъ и говорить!.. Милостивые государи мои! Вѣдь всего еще восемь мѣсяцевъ назадъ мы видѣли типическаго чеховскаго героя, смѣсь Лаевскаго, Иванова, «облѣзалаго барина» и «неизвѣстнаго», главою россійской республики... И до сихъ поръ пьемъ, чрезъ то, всѣмъ несчастнымъ народомъ своимъ горькую чапу обидѣвъ и униженій... Читайте Чехова, читайте въ Чехова, — и вамъ станутъ ясны Керенскій, всѣ, кто съ Керенскимъ, періодъ Керенскаго. Вы поймете, что это какъ-то нехорошо русская революція, не случайность, но печальная роковая послѣдовательность и необходимость: именно чеховскій фатумъ зачеркнутаго Чеховымъ поколѣнія...

Александръ Амфитеатровъ.